Вот вернулся к взводу уже затемно. Митька Коршунов только что привел с водопоя коня. Астахов споткнувшись у ворот выругался.

— То, Астахов?

— Я, а Крючков с ребятами где?

— Там в халупе.

Астахов большой грузноватый и черный казак, подделено шмурыгая вошел в халупу. У коптюшки лампы за столом Щегольков сшивал дратвой порванный чумбур. Крючков заложив руки за спину стоял у печи, подмигивал Иванкову указывая на оплывшего в водянке хозяина-поляка, полусидевшего на кровати. Они только что пересмеялися и у Иванкова еще дергал розовые щеки смешок.

— Завтра, ребята, чуть свет выезжать на пост.

— Куда? — спросил Щегольков и заглядевшись уронил не всунув в дратву щетинку.

— В местечку Любовь.

— Кто поедет? — спросил Митька Коршунов входя и становясь у порога цыбарку.

— Поедут со мной Крючков, Щегольков, Рвачев, Попов и мл. Иванков.

— А я, Павлыч?

— Ты, Митрий, останешься.

— Ну, и черт с вами!

Крючков оторвался от печи, потягиваясь с хрустом спросил у хозяина.

— Сколько до Любови до этой верст кладут?

— Четыре мили.

— Тут близко. — сказал Астахов и присаживаясь на лавку снял сапог, — А где-б тут протянуть онучи?

Выехали на заре. У колодезя на выезде босая белоногая девка черпала бадьей воду. Крючков приостановил коня.

— Дай напиться, любушка!

Девка придерживая рукой холстинную юбку прошлепала розовыми ногами по лужице и улыбаясь серыми в цвету опушке ресниц глазами подала бадью. Крючков пил, а рука его, державшая на весу тяжелую бадью, дрожала от напряжения, на шаровары брызги и стекая шлепались капли.

— Спаси Христос, сероглазая!

— Богу молись.

Она приняла бадью и отошла оглядываясь, улыбаясь.